

Тема 7. СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ ДЖ. МИДА, Ч. КУЛИ И Г. БЛУМЕРА

1. Дж. Мид – основоположник парадигмы символического интеракционизма
2. Ч. Кули: теория “зеркального Я”
3. Г. Блумер: символы и коллективное поведение

Символический интеракционизм – социологическая парадигма, основывающаяся на том, что все формы взаимодействия людей в обществе подразумевают *общение, базирующееся на определенных социальных символах*, – языке, телодвижениях, жестах, культурных символах и т.д. Люди не реагируют на внешний мир и других людей непосредственно, а осмысливают реальность в неких символах и соответственно продуцируют эти символы в ходе общения. Символический интеракционизм целиком основывается на интерпретациях человеческого поведения, в котором “прочитываются” значимые символы, несущие социальную информацию.

Джордж Герберт Мид (Mead) родился 27 февраля 1863 в семье священника. Образование получил в ряде учебных заведений Америки и Европы. После окончания колледжа поступил в Гарвардский университет, затем продолжил обучение в университетах Лейпцига и Берлина, однако ни в каком из них так и не получил ученой степени.

В 1894 г. Мид связывает свою преподавательскую карьеру с Чикагском университетом, в котором работает до последних своих дней. Идеи, высказанные ученым, объединили вокруг него большой круг учеников и последователей. Не случайно Чикагская социологическая школа после его смерти стала ассоциироваться с именем Мида и называться символическим интеракционизмом.

При жизни социолог не публиковал работы, которые бы в концентрированной форме излагали его идеи. То, что сегодня доступно читателю, – это отредактированные версии его научных заметок, а также лекции, записанные учениками. Среди них: “Сознание, самость и общество”, “Философия поступка”, “Философия настоящего”.

В своих работах Мид особый акцент делал на важности символов, особенно символов языковых при объяснении поведения как отдельных индивидуумов, так и социальных групп. Поэтому часто его взгляды характеризуются как *социальный бихевиоризм*.

Ученый считал, что результаты социологии должны иметь практическое воплощение в решении социальных проблем. Свои воззрения Мид стремился претворить в жизнь, играя ключевую роль как в социальных исследованиях, так и в проводимом на их основе социальном реформировании.

Мид в жизни был весьма конфликтным человеком. Особенно это проявлялось в отношении руководства университета, в котором он работал. Некоторые полагают, что именно затяжные конфликты привели ученого на больничную койку. Из больницы он направляет разгневанное прошение о своей отставке. На следующий день после выписки из больницы Мид умер от сердечного приступа. Это случилось 26 апреля 1931 года.

1. Дж. Мид – основоположник парадигмы символического интеракционизма

Идейно-теоретические истоки

Творчество Дж. Мида основывалось на широком круге теоретических источников. Но наиболее значимым среди них был *бихевиоризм*. Но если классический бихевиоризм пытался интерпретировать поведение людей, как простую реакцию на символ, без учета социального опыта индивида, особенностей его ментальности, то Мид интересуется прежде всего ролью *сознания* в поведенческом действии, причем *не только* самого индивида, но и окружающих его людей. Мид также акцентирует роль *жизненного опыта*, считает, что он оказывает существенное значение на характер действия индивида в реакции на конкретный символ.

Другим источником был *прагматизм*. В прагматизме выражалось убеждение в безграничных возможностях науки, а также в превосходстве эмпирического знания над философией, которое могло бы быть использовано для совершенствования американского общества. В этой связи социология виделась не только наукой способной к сбору и анализу социальных фактов, но и к решению собственно социальных проблем. Сторонники прагматизма вообще не стремились к поиску и обоснованию окончательных истин. Скорее, их интересовали практические научные положения, которые могли бы активно изменять к лучшему *сегодняшний* мир и которые предполагалось заменить на новые научные приемы, «лучшие» в контексте их благотворного воздействия на мир *завтрашний*. Сам Мид подчеркивал, что его особо интересует практическая сторона того, как общество воздействует и контролирует умственные процессы индивидов и, соответственно, их поведение, а также то, как люди принимают, отвергают или изменяют нормы социального взаимодействия.

Наконец, ещё одним источником следует назвать гегелевскую диалектику, инструментарием которой ученый прекрасно овладел, обучаясь в Германии. Для Мида на характер взаимодействия людей оказывают влияние как общество, прежде всего, социальная группа, так и ментальность взаимодействующих. При этом действия социальной группы социолог считал *новым качеством*, не сводимым к *простому количеству* действий отдельных членов данной группы.

Социальное действие: символ – ответная осмысленная реакция

С точки зрения Мида, человеческая мысль и само поведение являются *сугубо социальными*. Будучи сторонником бихевиоризма, он рассматривает взаимодействие людей через призму стимулов, порожденных символами, и соответствующих на них реакций. Но для Мида стимул – лишь *возможность* действия, а *не автоматический бездумный ответ*. В этой связи Мид принципиально различает *действие* (предполагает акт *одного* индивида) и *социальное действие* (включает двух и более людей с учетом их ментальности). Во втором случае, в силу возникающего *социального* взаимодействия индивид может действовать по-разному: он может немедленно отреагировать на стимул, отложить реакцию на определенное время или вовсе не реагировать на него. Откладывание реакции предполагает *интеллектуализацию* действия, его обусловленность социальным опытом действующего. Мид, подчеркнем ещё раз, исследует именно *социальные действия*.

В качестве символов способны выступать *жесты*, которые по своему характеру могут быть *незначимыми* и *значимыми*.

К *незначимым жестам* Мид относил жесты, способные вызывать реакции, в которых практически отсутствует мысль. Это могут быть жесты, сопутствующие процессу ухаживания. Инстинктивный акт одного партнера способен стимулировать адекватный инстинктивный акт у другого. Или жесты, характерные для быстротечных видов спорта, – бокса, борьбы, хоккея и т.д. Жесты одного соперника способны вызвать бессознательные действия у другого.

Значимые жесты предполагают определенную *мысль* у действующего субъекта. К значимым жестам прежде всего относятся звуковые жесты, особенно в виде конкретных слов языка. Значимые жесты, ведущие к осмысленному взаимодействию, способствуют развитию человеческого общества, для которого характерны *значимые символы*.

По Миду, *значимый символ* представляет собой жест, свойственный *только человеку*. Значимые символы, способны вызывать *вполне определенную, предсказуемую реакцию*, у тех, кому они адресованы, благодаря чему возникает собственно *человеческая коммуникация*: «индивид откликается на свой собственный стимул точно так же, как откликаются другие люди. Когда это имеет место, тогда символ становится значимым, тогда начинают высказывать нечто»¹. С прагматической точки зрения, значимый символ создает *качественно* новые возможности для взаимодействия людей, по сравнению с теми, которыми пользуются животные.

Люди обретают свою человеческую природу благодаря *осмысленной* коммуникации – они взаимодействуют с помощью значимых символов, важнейшие из которых содержатся в языке. Значимый символ обозначает 1) *предмет или событие*. Он также определяет их особым образом, предполагая 2) *определенную реакцию на него, выражающуюся в соответствующих социальных действиях*. Так, символ “ручка” не только представляет класс предметов ему подобных, но и предполагает *линию поведения* – возможность писать. Символ “студент” означает не только представительство человека в определенной социальной группе, но и то, что данный индивид может действовать определенным образом, сообразно накопленному опыту, становясь тем самым стимулом для осознанного, адекватного поведения окружающих его других людей. Кроме того, значимые символы 3) *делают возможной символическую интеракцию* – они обеспечивают средства, с помощью которых люди могут *значимо общаться в своей естественной и социальной среде*. Без символов не будет ни собственно человеческого общения, ни человеческого общества. Символическая интеракция необходима, так как у людей нет инстинктов поведения в социальной среде. Чтобы существовать люди должны жить в мире *осознанных значений*. Наконец, 4) в отличие от животных, реагирующих на первый или наиболее сильный стимул, люди обладают способностью *выбирать* символы из *целого набора* символов и тем самым *осмысленно* совершать конкретные действия.

Принятие роли – средство интерпретации значимых символов

Социальная жизнь может продолжаться, если значения символов в значительной степени *воспринимаются и разделяются* другими членами общества. Символы обеспечивают лишь средства интеракции. Чтобы она продолжалась, каждый вовлеченный в нее, должен еще *интерпретировать* значения и намерения других. Это осуществляется с помощью процесса, который Мид определил, как *принятие роли*.

Процесс *принятие роли* предполагает, что индивид путем воображения ставит себя на место человека, с которым осуществляется общение. Например, если индивид

---

¹ Мид Дж. От жеста к символу. В кн.: *Американская социологическая мысль: Тексты*. М.: МГУ, 1994. – С. 216

видит, что его компаньон по общению улыбается, плачет или размахивает рукой, он должен поставить себя на его место, чтобы понять его намерения. На основе этой интерпретации последует соответствующий ответ – жест, реплика, шутка и т.п., которые в свою очередь будут интерпретированы путем воображаемой постановки одного из общающихся на место человека, давшего тот или иной ответ.

В этом ракурсе человеческое общение может рассматриваться как постоянный процесс интерпретации путем принятия каждым общающимся роли другого. Чем исторически более развито общество, тем более универсальным становится процесс принятия индивидами роли другого. Собственность, например, является абстрактным понятием, обозначающее нечто, чем владеет и распоряжается индивид. Как определенный значимый символ, она детерминирует и линию поведения собственника, и поведение других членов социальной группы. Этот символ вызывает набор откликов в виде социальных действий, которые должны быть одинаковыми в обществе, признающем право собственности. Так, благодаря принятию ролей других и их интерпретации становится возможным постоянный процесс общения индивидов друг с другом.

Гипотеза Сапира-Уорфа

Значимые символы содержатся прежде всего в языке. Но язык не просто описывает реалии окружающего мира, а передает их специфику, оттенки, что детерминировано *конкретной культурой*: чем более значимо явление в конкретной культуре, тем больше оно имеет оттенков выражения в соответствующем языке. Так, например, у эскимосов существует огромное множество вербальных значений снега и льда.

В связи с этой тенденцией американский антрополог Э. Сапир и его студент Б. Уорф высказали положение, получившее название *гипотезы Сапира-Уорфа*, согласно которому значимые символы языка определяют *характер ментальности людей*, говорящих на нем. Используя эту гипотезу, социологи в частности отмечают в современном английском языке корреляцию между множеством агрессивных вербальных значений, равно как и мужских терминов, обозначающих социально престижные профессии (хотя ныне многие женщины овладели ими), и его *сексистским характером*. Это, по мнению некоторых исследователей, сказывается на характере ментальности говорящих и, соответственно, на отношениях между мужчинами и женщинами вообще. Исследования в этом направлении продолжаются.

Самость

Дословно слово «самость» (self) можно перевести как «я сам». В парадигме символического интеракционизма данный термин имеет несколько иной смысл. Как утверждает Мид, через процесс принятия роли индивиды развивают *самость – способность людей представлять себя в качестве объектов своей собственной мысли*. По Миду, именно самость отличает человеческое общество от остального живого мира, делая само человеческое общество возможным.

Самость формируется только на основе *социального опыта* и поддерживается благодаря *социальным контактам*, прежде всего, языковой коммуникации. Говоря о сути формирования самости, социолог отмечает: «Мы постоянно, особенно благодаря использованию голосовых жестов, пробуждаем в себе те отклики, которые мы вызываем в других, так что мы перенимаем установки других, включая их в свое собственное поведение. Решающее значение языка для развития человеческого

сознания заключается в том, что этот стимул обладает способностью воздействовать на говорящего индивида так, как он воздействует на другого»².

Происхождение и развитие самости своими корнями уходит в принятие роли другого. При этом социолог различает два аспекта формирования самости. Первый – Я (соответствует английскому “I”) – спонтанное, внутреннее, субъективное представление индивидом себя. Второй аспект – Я (соответствует английскому “Me”) – обобщенные представления других, которые усваиваются индивидом. Я в смысле “Me” – это то, как люди видят себя, но глазами других. “Me” – результат влияния социальных групп в виде норм и стандартов на личность. Характер самовосприятия индивида, а также то, как он интерпретирует реакции окружающих на себя оказывает существенное влияние на сознание и все поведение человека. Так, если он на основе сложившегося самопредставления считает себя лидером социальной группы, то такой человек во всех ситуациях будет претендовать на управленческие роли. Даже если человек по тем или иным причинам лишается институциональных постов, его поведение определенное время будет детерминировано прежней самостью – в нем так или иначе сохранится властная направленность. И напротив, если человек считает себя трусливым (в этом представлении неизбежно присутствуют и представления других), то он вряд ли будет вести себя смело в опасных ситуациях.

По Миду, *личность индивида имеет двойственную природу: самость = “I” + “Me”*. Иными словами, имеется в виду следующее: 1) внутренний стержень личности, с позиций которого в конечном счете формируются социальные требования, и 2) совокупность установок других, которые, будучи усвоенными, образуют личностные ценностные ориентации.

Механизм развития самости

Общим механизмом формирования и развития самости является *рефлексивность – способность индивида бессознательно ставить себя на место и других и действовать так, как ведут себя окружающие*. В результате люди обретают способность оценивать себя, как если бы это делали другие.

Мид выделяет две главные стадии в развитии самости. Первая известна как *стадия игры* (play stage): ребенок играет роли, которые не являются собственно его. Социолог отмечает: «Ребенок играет в то, что он – мать, учитель, полицейский, т.е., как мы говорим, здесь имеет место принятие различных ролей»³. Это процесс игрового взаимодействия ребенка с воображаемым партнером, который позволяет ему осознать различие между ним самим и другими людьми. Достигается это благодаря тому, что ребенок играет *обе роли*: свою и роль партнера. При этом ребенок, принимая какую-то роль, имеет в себе самом стимулы, вызывающие адекватные отклики, которые соответствуют, например, “доктору” или “продавцу”: назначает себе лечение и его выполняет, предлагает себе вещь и покупает её и т.д. Ребенок говорит нечто в каком-то одном лице (как доктор), отвечает в другом, затем этот отклик в другом лице становится стимулом для него, и таким образом, благодаря *рефлексивности* продолжается общение, которое и формирует самость ребенка.

Вторая стадия в развитии самости – *соревновательная стадия* (game stage): принимая участие в соревновании, дети видят себя со стороны других участников (например, играя в футбол, волейбол или бейсбол ребенок становится осведомлен о своих отношениях с другими участниками), что требует от них представлять себя в роли других и тем самым оценить свою роль. В отличие от игры в соревновании

² *Американская социологическая мысль*: Тексты. М.: МГУ, 1994. – С. 217

³ Там же. – С. 225

ребенок должен быть готов реагировать как на жесты, так и на значимые символы любого другого участника, принимать роли всех, чтобы адекватно исполнять свою собственную роль.

И ещё весьма важный момент: если в игре ребенок может переходить от одной роли к другой так, как ему заблагорассудится, подчас *неосознанно*, то в соревновании его действия неизбежно основываются на *выборе конкретных символов из множества*, что предполагает *мысль*, а главное развивает *социальную способность оценивать себя глазами других*. «В соревнование, в которое вовлечено определенное число индивидов, ребенок, принимающий какую-нибудь роль, должен быть готов принять роль любого другого игрока. В бейсболе он встречает 9 (ролей), и в его собственной позиции должны заключаться все остальные. Он должен знать, что собирается делать каждый другой игрок, чтобы исполнить свою собственную роль. Он должен принять все эти роли... Соревнование представляет собой переход в жизни ребенка от стадии принятия роли других в игре к стадии организованной роли, которая существенна для самосознания в полном смысле слова»⁴.

Таким образом, через соревнование формируется *полноценная самость* ребенка, позволяющая ему эффективно участвовать в процессе коммуникации с другими людьми.

Обобщенный другой и значимый другой

Любое организованное сообщество (спортивная команда, семья, иная социальная группа), которое через выражение *отношения всего сообщества к действиям индивида* обеспечивает тем самым формирование его самости, Мид называет *обобщенным другим*. «Установка обобщенного другого есть установка всего сообщества»⁵.

Люди видят себя с точки зрения обобщенного другого. Это создает основу для мышления, которое становится постоянно идущим внутренним диалогом между обобщенным другим и индивидом. Человек постоянно спрашивает, что подумают люди, и постоянно ожидает отношения к себе со стороны социальных групп, к которым принадлежит. Мид считает, что в форме обобщенного другого социальный процесс оказывает влияние на поведение индивидов, а сообщество осуществляет контроль над их действиями. Точнее, через адаптацию обобщенного другого осуществляется непосредственное воздействие на компонент «Me» самости. Все это создает основу для коммуникаций и социального контроля: по существу, «Me» осуществляет контроль над самовыражением «I».

Однако в обществе существует *несколько* обобщенных других. Естественно, не все обобщенные другие оказывают одинаковое воздействие на индивида. Среди множества людей, с которыми индивид осуществляет коммуникацию, он выделяет тех, чьи оценки являются для него гораздо более важными. Эти люди становятся для индивида *значимым другим*. Часто можно столкнуться с тем фактом, что целенаправленный воспитательный процесс, осуществляемый рядом обобщенных других, не совпадает с характером воздействия значимого другого. В таком случае ребенку приходится выбирать ценностные ориентиры и в конечном счете самому отвечать за свой выбор, за свои действия. Благодаря двойственной природе самости индивиды обладают способностью не только усваивать, но и отвергать определенные ценностные установки. В принципе «I» у здорового человека способно подвергаться сомнению и выдерживать социальное давление со стороны «Me», разумеется, в

⁴ Там же. – С. 226, 227

⁵ Там же. – С. 228

пределах того, что у общества всегда сохраняется возможность устанавливать ценности и нормы, регламентирующие приемлемое поведение. Так в итоге возникает *множество различных* самостей.

Благодаря внутреннему взаимодействию “I” и “Me”, люди становятся личностями, которые осведомлены, что ожидается от них в конкретных социальных и культурных условиях и действуют соответственно – ставят цели для себя, планируют будущее и просчитывают последствия от возможных альтернативных вариантов своего поведения. Благодаря “Me” люди чувствуют себя «комфортно» в любом обществе. Однако самовыражение со стороны “I” ведет к постоянным изменениям структур и функций самого общества. По мнению Миды, в традиционных обществах доминируют “Me”, в то время как в современных – “I”. Это позволяет социологу, работающему с теоретико-методологическим инструментарием символического интеракционизма исследовать *взаимовлияние* социального взаимодействия на микроуровне с изменениями структур и функций общества на макроуровне.

Как считают выдающиеся современные социологи П. Бергер и Т. Лукман, Мид предложил оригинальную диалектическую теорию соразвития индивидов и общества. Благодаря конфликтам между “Me” и “I”, а также между самостями и обществом осуществляется развитие мира к *свободной, открытой и совершенной коммуникации*.

Применение принципов символического интеракционизма к исследованию гендерных ролей

Представители *символического интеракционизма* исходят из того, что гендерные роли являются продуктом значимых символов и формируются в сложном процессе интеракций индивидов с обобщенными другими. Поэтому подавляющее большинство из нас *хочет* выполнять те сексуальные статусы и роли, которые обобщенные другие и, прежде всего, значимые другие предназначает нам.

Основную характеристику ролей, по существу, задает общество, которое через распространение определенных значимых символов ставит индивидов женского и мужского пола перед лицом выбора специфических символов и, соответственно, способствует формированию адекватных реакций. С момента рождения специфические символы по-разному распространяются среди мальчиков и девочек, что выражается в форме одежды, прическах, покупаемых игрушках: куклы, посудные наборы, мягкие игрушки – для девочек, а пистолеты, ружья, машины – для мальчиков. На стадии игры мальчики изображают себя полицейскими и суперменами, а девочки – матерью или учительницей. И вот они подрастают и переходят к соревновательной стадии. Здесь мальчики обычно играют в “войну”, им рекомендуют силовые виды спорта, непригодные для “маменькиных сыночков”; девочки же играют в “дочки-матери”, увлекаются спортом, который развивает грацию и женственность их фигуры.

По существу, постепенно формируемые роли – результат постоянно идущего внутреннего диалога индивида с обобщенными другими, которые выражают мнение окружающих социальных групп, оно-то и мотивирует сексуальные стратегии мужчин и женщин. Если, скажем, иные девушки глазами *весьма разных* обобщенных других видят себя матерью и женой, хранительницей домашнего очага, то весьма велика вероятность, что их типичные действия, брачное поведение будет мотивировано этими сложившимися символами. А если, как было у нас в недавнем прошлом, в глазах *большинства* обобщенных других девушки выступали как общественницы, передовики производства, то от них следовало ожидать “I”, стремящегося к комсомольской и партийной карьере. Данные символы были более значимы, чем символы материнства и

семейного благополучия. Они были более распространены среди самых разных обобщенных других, что в итоге сказывалось на характере их самости вообще и “I” в особенности.

А как обстоит дело с характером самости зарубежных юношей и девушек? Каковы для них значимые символы? Подвержены ли они изменениям? Интересное исследование провела М. Горнер из Мичиганского университета со своими студентами. Она обнаружила, что 65% студентов-девушек, которые по своим знаниям опережали своих коллег мужчин, не только не стремились сделать карьеру, но боялись её, пытались вообще избежать конкуренции с мужчинами. Эти эмпирически выявленные данные социолог объясняет так: девушки полагали, что их успех может помешать иметь нормальную семью (наиболее значимый символ) и не по-женски будет в соревновании с мужчинами, тем более побеждать их.

Интерес представляет прослеживание конфликтов между “Me” и “I”. Любопытные результаты выявили американские социологи при исследовании 500 студентов, как мужчин, так и женщин. Оказалось, что отношение мужских “I” о своих “Me” было гораздо выше, чем их оценивали посторонние наблюдатели. И напротив, женщины давали себе более заниженные оценки. Особенно их беспокоили такие символы, как вес, излишняя полнота, в то время как, с точки зрения мужчин, девушки были вполне привлекательны и соответствовали их ожидаемым требованиям. Исследователи объясняют эти данные тем, что в американской культуре сложились символы доминирования мужчин по отношению к женщинам, которые, принимая эти символы, переносят их на свой образ, содержащий компоненты превосходства, высокого самомнения.

С переходом от традиционного к современному обществу появляются и новые символы, формируются новые взаимоотношения между “Me” и “I”, что в итоге детерминирует сексуальные статусы и роли, их новые особенности. Любопытное исследование провели западные социологи, проанализировав множество телепередач, книг со сказками, адресованных детям. Оказалось, что мужские сказочные герои и персонажи телепередач изображались в виде королей, полицейских, суперменов и т.д., которые, обладая незаурядным умом и физическими данными, всегда побеждают злые силы, где-то “за морями и океанами”. Типичные женские персонажи – волшебницы и золушки, дочери и матери – никогда не покидают дом, они всегда отзывчивы и милосердны, все время готовят, шьют, наводят порядок и, конечно же, ждут и ждут, когда “однажды придет принц”. Вместе с тем социологи заметили, что в последнее время на экранах и в сказках, рекламных роликах стали появляться персонажи сильных и независимых девочек. Очевидно, в обществе стали утверждаться новые значимые символы феминистского толка, которые вносят корректировки в традиционный процесс сексуальной цивилизации.

Инструментарий символического интеракционизма может быть применен и для анализа сексуальных статусов и ролей российского общества в условиях развития рыночных отношений и личных свобод. Исследования, проведенные российскими социологами М. Руткевичем, Г. Силласте, Т. Гурко и др., свидетельствуют, что позитивная подача средствами массовой информации символов порнографии, проституции, насилия придали сексуальным стратегиям коммерческий и потребительский характер, с акцентом на собственные силы, индивидуализм и гедонизм. Современные россиянки отнюдь не “домашние золушки”. Напротив, они способны “свое суждение иметь”, готовы к обоюдной инициативе в сексуальных отношениях. По результатам некоторых опросов, “дамское счастье” более половины женщин-респондентов ассоциируют с высокой зарплатой, модными вещами и красивой одеждой, влиятельными связями и развлечениями, личной свободой. Опрос,

проведенный С. Мошкиным и В. Руденко среди читателей детских библиотек (!) в Екатеринбурге, выявил что 3% детей считают проституцию привлекательным способом для обеспечения благосостояния⁶. Другие исследования дали результаты, согласно которым с развитием рыночных отношений и, соответственно, появлением «рыночной символики» мальчики-подростки стали больше курить, одобряют платные сексуальные услуги, пытаются соответствовать стандартам «мужественности» торговых и экономических «королей».

2. Чарльз Кули: создание теории «зеркального Я»

Чарльз Хортон Кули (Cooley) родился 17 августа 1864 года в семье профессора права Мичиганского университета, который также являлся практикующим судьей.

Кули – представитель первого поколения американских социологов, выпускник Мичиганского университета, в котором в 1894 году защитил докторскую диссертацию и стал профессором этого же университета. Мировая социологическая мысль ценит Кули прежде всего за его теорию «зеркального Я», в которой ученый стремился преодолеть противопоставления индивида и общества. В ней социолог исходит из постулата о том, что общество формирует индивидов, а индивиды, в свою очередь, конструируют общество.

Кули также ввел понятие малых, первичных групп (семья, группа ровней, соседство, местные общины) и вторичных общественных институтов. Его основные работы: *«Человеческая природа и социальный порядок»*; *«Социальная организация»*; *«Социальный процесс»*.

Умер Ч.Х. Кули 8 мая 1929 года

Основные постулаты и метод теории «зеркального Я»

Прежде всего, заметим, что, на наш взгляд, название теории Ч. Кули переведено на русский язык не совсем корректно – правильнее её обозначить как теорию «зеркальной самости» (looking-glass self). В этой версии сохраняется изначальное представление родоначальников символического интеракционизма о сложной структуре личности индивида, состоящей, как известно, из «I» и «Me». Попутно заметим, что концепция самости получила дальнейшее развитие в трудах идейных последователей символического интеракционизма, предложивших своё видение самости (И. Гоффман и др.), что тем более свидетельствует о спорности устоявшегося названия теории. Чтобы не вносить путаницу в терминологию, в настоящем учебном пособии сохранено традиционное название. Однако в уме мы будем держать отмеченное обстоятельство и помнить, что в данном случае Я выступает синонимом самости.

⁶ См.: С. Мошкин, В. Руденко. – В пространстве большого города. – Независимая газ. 1994, 7 мая

Теории Ч. Кули “зеркального Я” основывается на следующих трех постулатах: 1) в процессе взаимодействия друг с другом люди способны представлять, *как они воспринимаются* обобщенным другим; 2) люди способны осознавать *характер ответных реакций* обобщенных других; 3) люди развивают *самопредставления, чувства гордости или подавленности* в зависимости от того, каким им видятся представления обобщенных других.

Кули исходит из того, что самосознание и ценностные ориентации индивида как бы *зеркально отражают реакции на них окружающих людей*, главным образом из той же социальной группы. Социолог отмечает: «Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной, самостью... Мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем довольны ими или нет в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть, точно так же в воображении воспринимаем в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т.д., и это самым различным образом на нас воздействует»⁷.

В процессе формирования самости особо важную роль играют *первичные группы* (семья, сверстники, соседи). Если представители первичных групп уважительно относятся к ребенку, то это *зеркально отражается* на нем – ребенок сам начинает уважать себя, что проявляется в адекватных социальных действиях. И напротив, если в силу разных причин ребенок лишается материнской любви, уважения окружающих, то это обязательно сказывается на становлении самости – роли, которые он способен играть, перестают соотноситься с ожиданиями близких ему людей, а позднее и более широкого общества.

Ребенок, который считается “сорванцом”, так и будет себя идентифицировать и, весьма вероятно, станет правонарушителем. Если с мальчиком обращаются так, что восхищаются его мужеством и успехами, то его самоидентификация будет происходить под влиянием направленных извне ожиданий тщеславия, честолюбия. В его сознании сформируется устойчивый образ самого себя, с которым он будет жить. Преданность этому образу становится источником силы, что так или иначе проявится в соответствующем поведении. «Процесс, в ходе которого у детей развивается самоощущение зеркального типа, можно проследить без особых затруднений, – пишет Кули. – Изучая движения других столь пристально, как они это делают, они вскоре замечают связь между своими собственными действиями и изменениями этих движений, т.е. они замечают своё влияние на других людей или власть над ними. Ребенок присваивает видимые действия своего родителя или няни, свое влияние на которых он обнаруживает, совершенно таким же образом, каким он присваивает одну из частей своего тела или какую-нибудь игрушку, и он пытается сделать что-нибудь с этой своей новой собственностью»⁸

На развитие самости с самого начала оказывают влияние половое различие и сексуальная социализация. Девочки, как правило, более откровенно заботятся о своем социальном образе. Они более склонны перейти на точку зрения окружающих, радуются или печалются в зависимости от их расположения к себе. “Можно не сомневаться, – замечает Кули, – что женщины, как правило, зависят от непосредственной личной поддержки и поощрения больше, чем мужчины. Мышление женщины нуждается в фиксации на каком-либо человеке, в сознании которого она может найти устойчивый и неотразимый образ самой себя, которым она может жить... Мужчины, более предрасположенные к агрессии, обладают большей по

⁷ Кули Ч. Социальная самость. В кн.: *Американская социологическая мысль: Тексты*. М.: МГУ, 1994. – С. 320-321

⁸ Там же. – С. 324

сравнению с женщинами самостоятельностью. Но в действительности никто не может выстоять в одиночку”⁹.

Отмеченные Кули гендерные особенности в формировании самости лишь подчеркивают то общее положение, что *индивиды получают самоидентификацию от общества*. Причем и женщины, и мужчины нуждаются в постоянной поддержке со стороны общества. В зрелом возрасте – прежде всего со стороны *вторичных общественных институтов*.

В обыденной жизни “зеркальное Я” проявляется повсеместно. Студенты учатся лучше, когда ощущают одобрение профессора. Воины становятся смелее и самоотвержение, когда офицер одобряет их действия. Жена – более внимательной и заботливой, когда муж одобряет её наряд, с похвалой отзывается о ней как хорошей хозяйке.

Кули подчеркивает, что индивиды выбирают круг общения с теми людьми, которые поддерживают их самоидентификацию. Героиня чеховской повести “Душечка” – классический тому пример: она была желанным и любимым человеком именно потому, что разделяла чаяния своих мужей. Если кто-то показывает, что хорошо информирован в вопросах охоты или рыбалки, то в присутствии заинтересованных слушателей он напускает на себя вид “спеца” этого дела. Женщина, считающая себя красавицей, стремится общаться с теми, кто разделяет её самоидентификацию. У молодого человека открываются необыкновенные сексуальные потенции, когда женщины, “значимые другие”, находящиеся рядом с ним, верят, думают о нем как о Казанове. И напротив, люди избегают иметь дело с теми, кто не разделяет их самоидентификацию. Вряд ли кто захочет демонстрировать свой ум и юмор в компании богословов. Социолог делает вывод, что *каждая общественная структура имеет свой механизм производства самоидентификаций, и индивиды находят себе место в рамках системы социального контроля, соответствующей их самоидентификациям*.

Кули предложил и *метод* исследования сознания индивидов, названный им *симпатическим самонаблюдением* (sympathetic introspection). Его суть состоит в том, что социолог представляет себя в виде социального субъекта в различных ситуациях, предполагая соответствующее им своё поведение. Социолог полагал, что тем самым можно понять значения и мотивы социального поведения вообще.

Современные изменения в самоидентификациях россиян

Теория “зеркального Я” позволяет заинтересованному наблюдателю “заглянуть за” обратную сторону процесса формирования самоидентификаций россиян в условиях современных реформ. Наши самопредставления складываются в значительной степени под влиянием *ожиданий извне*.

Партийный босс может иметь такую самоидентификацию лишь в том сообществе, которое готово считать его лидером. “Мисс русская красавица” тоже считается “единственной и неповторимой” лишь среди тех, кто соглашается разделять данное мнение. Когда же индивиды лишаются признания со стороны общественных структур, то их самоидентификация обычно быстро разрушается. Так, многие партийные функционеры советского периода отчаянно пытались сохранить свою самоидентификацию как “отцов нации, спасителей отечества, выдающихся руководителей” и т.д., но если в окружении значимых других выкристаллизовывались иные представления о них, то поддерживать прежнее видение себя как ответственного, достойного политического лидера оказалось невозможным, и многие ушли из

---

⁹ Там же. – С. 327

общественной жизни. Но извне возникли новые типичные ожидания – в условиях становления рыночных отношений были востребованы прежние связи партийных функционеров. И что же? Всмотреваясь в зеркало новых социальных реалий, прежние партийные боссы стали думать о себе и действовать так, как полагается это делать “новым русским”, занятым предпринимательством. В обоих случаях самоидентификацию индивиды получали от общества, их социальные действия были адекватны специфическим социальным ситуациям, зеркальным отражением ожиданий значимых других.

Предвзятое отношение со стороны окружающих способно так повлиять на сознание индивида, что его “I” будет стремиться соответствовать сложившимся в “Me” этим негативным суждениям. Ныне многие русские, оказавшиеся в силу исторических обстоятельств за границей, на территории стран СНГ, под влиянием националистических, антирусских стереотипов извне они в своих самоидентификациях превращаются в людей второго сорта. Некоторые настолько уступают давлению пренебрежительного отношения к ним со стороны окружающих, что даже вернувшись в Россию, не готовы в полной мере отстаивать свои права.

Индивид, оказавшийся в такой или подобной ситуации, может использовать постулаты концепции “зеркального Я” в практических попытках изменить свою судьбу. Ему следует отказаться от того “зеркала”, откуда на него смотрит “гадкий утенок”, “лицо кавказкой национальности” или просто замученный жизненными невзгодами человек. При этом, конечно, необходимо, чтобы “I” перебороло социальное давление со стороны “Me”, что позволило бы начать поиск иного социального окружения с другими “зеркалами”, в которых индивид мог бы видеть вполне уважаемый образ. Однако, как считает Кули, обладать достоинствами можно лишь в том случае, если общество готово *позволить* это. В какой мере общество ценит человека, в той мере человек ценит себя.

В течение жизни индивиду, как правило, приходится неоднократно менять свою идентичность – при переходе во взрослую жизнь (потребность и появление другого “Я” связано с сильным влиянием нового социального контекста на собственное “Я”, что существенно изменяет самоидентичность), при вступлении в брак, перемене работы или специальности.

В современном демократическом обществе, которым “I” преобладает над “Me”, смена “зеркал” обычно проходит без катаклизмов для индивида. Тому также способствует разветвленная сеть общественных институтов с многообразными функциями, так что у индивида есть реальная возможность выбрать социальное “зеркало”, адекватное его самоидентификации.

3. Г. Блумер: символы и коллективное поведение

Герберт Блумер (Blumer) (1900-1986) — представитель символического интеракционизма, ввел в научный оборот сам термин “символический интеракционизм” и инициировал с позиций методологических принципов данной парадигмы системное изучение коллективного поведения неструктурированных и слабо структурированных социальных групп (толпы, массы, общественности, социальных движений).

Блумер возглавлял кафедру социологии в Калифорнийском университете, был одновременно президентом Американской социологической ассоциации и Общества изучения социальных проблем. Им подготовлена целая плеяда социологов, которая

занималась и ныне продолжает заниматься изучением поведения различных социальных групп, исследуя при этом влияние средств массовой информации, пропаганды, новых технологий, расовых отношений, моды и других факторов.

Основные работы Блумера: «*Символический интеракционизм*», «*Символическая интеракция: парадигма и метод*», «*Индустриализация как агент социального изменения*».

Базовые послылки

С точки зрения Г. Блумера, символический интеракционизм покоится на трех базовых послылках.

1. Люди скорее действуют на основе значений, которые они придают предметам и событиям, чем просто реагируют или на внешние стимулы, такие как социальные силы, или внутренние стимулы – потребности организма. Символический интеракционизм, отрицая как общественный, так и биологический детерминизм, по существу, *предлагает детерминизм значений*.

В чем это может выражаться конкретно? Вспомним известный фильм “Прохиндиада”. То значение, которое в “застойные годы” придавалось научным работникам, ассоциировалось с благополучием, респектабельностью. Верхом престижа считалось заполучить в качестве “свадебного генерала” академика или профессора. Через несколько лет появляется новый фильм с теми же действующими героями – “Прохиндиада II”. И зритель видит, что в связи с переоценкой многих ценностей вообще и науки в особенности, изменилось соответственно и поведение людей. Словом, характер поведения людей, прежде всего, обусловлен конкретными значениями, которые они придают друг другу в процессе коммуникации.

2. Значения являются не столько фиксированными, сформулированными заранее, сколько в определенной степени *создаются, модифицируются, развиваются и изменяются* в интеракционных ситуациях. Участники интеракции не следуют автоматически установленным нормам равно как и сложившимся ролям.

Осознанно или нет, этим постулатом руководствуются имиджмейкеры, стремясь сделать из политических деятелей своеобразных символов сильных личностей, борцов за демократию, справедливость, патриотов, тем самым изменяя их прежнее значение.

3. Значения являются результатом *интерпретаций*, которые были осуществлены в интеракционных контекстах. Принимая роль другого, участники процесса интерпретируют значения и намерения других. Так, значения, которые определяют действие, вытекают из контекста интеракции: в большинстве ситуаций, в которых люди общаются друг с другом, они уже заранее имеют представления, как себя вести и как будут действовать другие.

Сфера коллективного поведения

Особый интерес для Блумера представляет исследование *коллективного поведения*. По его мнению, общество основывается на постоянной активности социальных субъектов и их совместных действиях, проявляющихся в разных формах коллективного поведения, таких как толпы, сборища, панические настроения, мании, танцевальные помешательства, панические настроения, мании, стихийные массовые движения, массовое поведение, общественное мнение, пропаганда, мода, увлечения,

социальные движения, революции, реформы¹⁰. Коллективное поведение *не сводится к простой сумме индивидуальных действий*. Оно обретает *качественно новое содержание* благодаря количественной совокупности отдельных действий индивидов. Их изучение, по Блумеру, должно являться предметом социологии.

На первый взгляд, коллективное поведение обладает значительным потенциалом спонтанности, непредсказуемости. И до определенной степени это действительно так. Однако *в своей основе* коллективное поведение детерминировано значимыми символами, характерными для конкретной культуры и особенно символами, *возникающими в конкретной социальной ситуации*. Оно имеет *внутреннюю динамику*, обусловленную усвоением определенных социальных значений, их производством и воспроизводством.

Разрушение значимых символов как фактор спонтанного коллективного поведения

По Блумеру, основу коллективного поведения составляют общие значения, ожидания, формируемые значимыми символами, которые разделяются группой индивидов: «подавляющее большинство случаев коллективного поведения людей объясняется их общими ожиданиями и пониманием»¹¹, – замечает социолог. Когда же происходит *разрушение значимых символов*, возникают спонтанные интеракции – митинговые страсти, паника по поводу обмена денежных знаков, страсти толпы болельщиков и т.д.

Спонтанное коллективное поведение, как правило, возникает в условиях *нарушения устоявшихся значений*, привычных значимых символов, регулирующих устоявшиеся постоянно текущие социальные активности. Тогда возникает определенная форма социального взаимодействия, которая получила название *круговая реакция*. Возбуждение одного индивида передается к другому, приобретая круговую форму, при этом они имеют тенденцию интенсифицироваться и таким образом возникает социальное беспокойство. Оно встречается в трудовых конфликтах, политических протестах; может быть ограничено небольшой группой людей, но может и охватывать огромные регионы (революции в России в 1917 г., волнения в исламском мире сегодня). *Основные черты социального беспокойства*: 1) люди чувствуют сильный позыв к действию, но не имеют ясных целей, что ведет к беспорядочному поведению; 2) возникают страхи, повышенная агрессивность, распространяются слухи и преувеличения; 3) наблюдается раздражительность и повышенная внушаемость людей, их поведение лишается обычной последовательности и устойчивости, что способствует откликам на различные новые символы и значения, стимулы и идеи¹².

Таким образом, социальное беспокойство, с одной стороны, свидетельствует о распаде устоявшихся значений, крушении привычного жизненного устройства, а с другой – о *потенции к восприятию новых символов и значений*. Если посмотреть на историю России, которая изобилует социальными беспокойствами, то можно заметить, что каждое крупное социальное беспокойство приводило к новым значимым символам – культам, идейному обновлению, новым образцам поведения людей.

¹⁰ См.: Блумер Г. Коллективное поведение. В кн.: *Американская социологическая мысль*: Тексты. М.: МГУ, 1994. – С. 168

¹¹ Там же. – С. 169

¹² См.: Там же. – С. 172-173

Формы спонтанного коллективного поведения

Г.Блумер выделяет несколько форм спонтанного коллективного поведения.

1. *Толчая*. Люди в толчее взаимодействуют беспорядочно, побуждая через круговую реакцию восприимчивость и отзывчивость друг к другу. При этом, как правило, понижается значение объектов, которые обычно привлекают внимание.

2. *Коллективное возбуждение*. Данный тип поведения способен втягивать в свою орбиту сторонних наблюдателей, которые вначале проявляют интерес к данной форме коллективного поведения, а затем и сами могут стать его непосредственным участником. «При коллективном возбуждении личный характер индивидов ломается с большой легкостью и, таким образом, создаются условия для реорганизации и образования новых форм поведения. При коллективном возбуждении индивиды могут начать придерживаться таких линий поведения, о которых прежде они, вероятно, и не помышляли и, еще менее вероятно, что осмелились бы придерживаться»¹³.

3. *Социальная инфекция*. Крайняя форма – *социальная эпидемия*. Это – быстрое и широкое распространение каких-либо форм поведения, которые резко диссонируют с устоявшимися значимыми символами. «Социальная инфекция относится к сравнительно быстрому, бессознательному и нерациональному распространению каких-либо настроений, порывов или форм поведения»¹⁴. Примерами тому могут быть разгул спекулятивных акций с денежными знаками во время плохо организованной кампании по их обмену, погромы на националистической почве, борьба с иноверцами или инакомыслящими.

Формы институционального коллективного поведения

Как считает Блумер, указанные формы поведения способны вылиться в *новые формы группового и институционального поведения*. Они следующие: *действующая толпа, экспрессивная толпа, масса и общественность*.

Действующая толпа, захваченная какой-либо общей целью, спонтанно образованная группа, у которой однако отсутствуют общие значения, традиции или экспектации, у неё нет установленных ролей, признанного лидерства, осознания собственной идентичности, разделения труда, нет у неё и общих социокультурных ценностей. Поэтому поведение действующей толпы не соотнобразуется с институциональными нормами и ценностями. Индивид в действующей толпе «теряет обычное критическое восприятие и самоконтроль, как только он вступает в контакт с другими членами толпы и проникается тем коллективным возбуждением, которое господствует над ними. Он прямо и непосредственно откликается на замечания и действия других, вместо того чтобы истолковать их, как он сделал бы в обычных условиях»¹⁵.

Действующая толпа способна к насилиям и жестокости. Блумер полагает, что в определенных условиях целая нация может уподобиться действующей толпе, если её представители оказываются поглощенными одним волнующим объектом. Взаимное возбуждение благодаря круговой реакции достигает столь высокой степени, что все внутренние разногласия отступают. Возникают мощные иррациональные порывы в отношении волнующего объекта. Так, поведение представителей нации может стать подобным действующей толпе.

¹³ Там же. – С. 175

¹⁴ Там же. – С. 175

¹⁵ Там же. – С. 179

Чтобы остановить действующую толпу, необходимо переключить внимание её членов на разные объекты. Возникновение интереса к другим объектам способствует расчленению толпы как таковой, открывает возможность диалога с отдельными членами.

Экспрессивная толпа в отличие от толпы действующей не имеет какую-либо общую внешнюю цель. «Экспрессивная толпа не вырабатывает образа какой-то цели... она не обладает ничем, в направлении чего она *может* действовать, и поэтому она попросту предается возбужденным движениям»¹⁶. Её главным признаком является обращение эмоциональных порывов на самое себя.

Экспрессивная толпа обычно проявляется в коллективных танцах (карнавалы, ритуальные танцы), которые позволяют участникам через переживаемый экстаз получить физическую и эмоциональную разрядку от тревожащих их значений повседневной жизни, влияние которых на время резко падает. При этом резко возрастает значение собственного Я, от чего индивиды испытывают удовлетворение и наслаждение, радость жизни.

Масса, по Блумеру, представляет собой совокупность спонтанного коллективного группирования людей, которые возбуждены значением какого-либо события зачастую национального масштаба (шумный судебный процесс, бум за или против передислокации войск и т.д.), проявляя в нем заинтересованность и свое участие. Члены массы анонимны, зачастую отделены друг от друга в пространстве, лишены возможности обмена мнениями по поводу значения волнующего их события, могут происходить из самых различных социокультурных слоев общества, и потому данная коллективная группа весьма слабо структурирована.

В силу указанных отличительных черт массы, её члены, как правило, действуют обособленно, как отдельные, но *сознательные* индивиды. «Индивиды отделены друг от друга и неизвестны друг другу. Этот факт означает, что индивид в массе, вместо того чтобы лишаться своего самосознания, наоборот, способен довольно сильно обострить его. Вместо того чтобы действовать, откликаясь на внушения и взволнованное возбуждение со стороны тех, с кем он состоит в контакте, он действует, откликаясь на тот объект, который привлек его внимание»¹⁷. Хотя деятельность массы, по существу, проявляется в индивидуальных действиях, тем не менее, эта деятельность может оказывать весьма значимое влияние на общество, приводя к краху одни политические партии и вознося другие, трансформируя старые государственные и общественные структуры и создавая новые.

Особую роль при рассмотрении поведения масс Блумер отводит *массовой рекламе*. В рекламе обращение делается к анонимному индивиду, возбуждая его и концентрируя внимание на новые значимые символы. И хотя индивиды совершают самостоятельный выбор без конкретного участия какой-либо структуры, совпадение их выборов вокруг значимых объектов составляет основу формирования массы. «Покупатели представляют собой некую разнородную группу, происходящую из многих общин и слоев общества; в качестве членов массы, однако, по причине своей анонимности они являются однородными или, по существу, одинаковыми»¹⁸.

Общественность рассматривается Блумером как спонтанная коллективная группа потому, что она возникает как отклик на определенно значимый объект или ситуацию и, как правило, не образуется по заранее разработанному плану. Однако в отличие от толпы в общественности индивиды взаимодействуют друг с другом,

---

¹⁶ Там же. – С. 181

¹⁷ Там же. – С. 185

¹⁸ Там же. – С. 187

вступают в споры и конфликты и тем самым демонстрируют рациональные, критические действия. «Общественность приобретает свой особый тип единства и возможность действовать, благодаря достижению какого-то коллективного решения или выработке какого-то коллективного мнения»¹⁹.

Наряду со спонтанными коллективными группами Блумером были исследованы и *фиксированные формы социального поведения*, которые детерминированы *совокупностью значимых символов*. К ним относятся *общие и специфические социальные движения, экспрессивные движения, а также возрожденческие и националистические движения*. В развитом виде социальные движения имеют структурную организацию, разделение на управляющих и управляемых, свои традиции, нормы и ценности, т.е. это рельефно выраженная социокультурная группа.

К *общим социальным движениям* Блумер относит такие движения как демократическое, молодежное, женское, движение за мир. Они возникли под воздействием нового набора значимых ценностей, влияющих на судьбы людей, которые не удовлетворены их реальным положением в жизни. Общие социальные движения, как правило, слабо организованы, не имеют постоянного членства, их конкретные отклики на значимые ценности не выливаются в ясные цели.

«Лидеры общего социального движения играют важную роль не в смысле осуществления руководящего контроля над движением, а в смысле задающих темп. Эти лидеры являются «вопиющими в пустыне», пионерами без какой-либо прочной группы последователей, часто не очень часто отдающими себе отчет в собственных целях»²⁰.

По Блумеру, *специфическими социальными движениями* являются реформистские и революционные движения. Они хорошо структурированы, имеют некий набор значимых символов и ценностных ориентаций. Члены этих движений занимают определенные статусные позиции и стремятся к четким целям по внесению изменений в социальный строй и существующие институты. В специфических социальных движениях особая роль отводится агитации, которая, создавая круговую реакцию возбуждения, направлена на изменение представлений людей о самих себе, о своей роли и месте в обществе и особенно в движении – культивируются настроения сопричастности и солидарности, благоговения перед “вождями народов” и “отцами наций”, для чего опять-таки используются значимые символы – ритуальная атрибутика и церемониальное поведение. Для этих движений характерным является возникновение самого разного рода мифов как откликов на желания людей, которые зачастую приобретают форму эмоциональных символов: “политика – дело каждого”, “материальные и духовные блага польются полным потоком”, “каждой семье – отдельную квартиру”.

Для этих движений характерно возникновение какого-либо культа. «Обычно имеется некий главный святой и ряд менее важных святых, выбранных среди народных вожаков движения. Гитлер, Ленин, Маркс, Мэри Бэйкер Эдди и Сунь Ятсен могут послужить подходящими примерами главных святых. Такие лидеры, по существу, обожествляются и наделяются чудесной силой. Они считаются высшими, умнейшими и непогрешимыми. Люди вырабатывают по отношению к ним установку благоговения и трепета, возмущаясь попытками описать их как обыкновенных людей».²¹

---

¹⁹ Там же. – С. 189

²⁰ Там же. – С. 197

²¹ Там же. – С. 204

Экспрессивные движения – движения религиозные и мода. Их отличительная черта состоит в том, что они не нацелены на изменение социального строя. Религиозные движения стремятся обратить внимание людей на *священные символы*, побуждая верующих к тому или иному эмоционально окрашенному типу поведения.

Модные движения (не только в одежде, но и в искусствах и литературе, манерах) побуждают индивидов принять какие-то новые, доставляющие эмоциональное удовлетворение, отличительные значения, новые формы существования, заменяющие те, которые уже стали объектом подражания. Именно эта черта – постоянное обновление значений – позволяет, по мнению Блумера, трактовать моду как особое движение.

Возрожденческие и национальные движения связаны с воссозданием прежних значимых символов – прошлой славы, былого самоуважения и удовлетворения. Как считает Блумер, большинство националистических движений своими корнями уходят в значения, прославляющие прошлое народа. Вместе с тем они нацелены на преодоление нынешних значений, связанных с комплексом неполноценности. «Их уязвленное самоощущение и желание восстановить самоуважение ведут их к попыткам улучшить статус группы, с которой они себя отождествляют. В таком движении наблюдается постановка не только какой-то цели, например, завоевание национальной автономии, но обычно также и идеализация какой-то минувшей эпохи в жизни этого народа»²².

Критика символического интеракционизма

Символических интеракционистов часто критикуют за то, что они исследуют поведение человека в структурном вакууме. Они обычно фокусируют свое внимание на межличностных интеракциях микро уровня, оставляя в стороне, во всяком случае, недооценивая их исторический или социокультурный контекст.

Интеракционисты всячески подчеркивают свободу в человеческом действии и мало исследуют факторы, которые оказывают сдерживающее влияние. Иными словами, они не дают комплексного аргументированного объяснения, из чего же происходит нормативное поведение и почему члены общества обычно ведут себя в рамках определенных норм и ценностей.

Интеракционисты не объясняют и источник значимых символов, которым они придают такую важность. Их критики указывают на то, что значения символов не создаются спонтанно в интеракционистских ситуациях. Вместо этого они постоянно воспроизводятся социальной структурой, являющейся прежде всего продуктом социальных отношений.

Особенности форм спонтанного поведения в современном российском обществе

Представители символического интеракционизма объясняют социальные действия людей через значения, которые они придают тем или значимым символам. Это дает возможность изучать типичные образцы поведения даже тех социальных групп, которые не структурированы ни институционально, ни в социокультурном плане – толпы, массы, общественности. Изучение форм спонтанного коллективного поведения является весьма актуальным, ибо в современном российском обществе, в котором идет очень быстрый процесс *изменения значений* символов, неизбежно растет масштабность и значимость массового поведения. Когда управленческие нити

---

²² Там же. – С. 214

институциональных структур ослаблены и нет *устоявшихся* значимых социокультурных символов, многие государственные и политические деятели пытаются напрямую апеллировать к массам, по существу, предлагая *новые значимые символы*. Этому способствуют и средства массовой информации, побуждающие индивидов приобщаться к миру новых и более широких значений.

Теоретико-методологический инструментарий символического интеракционизма, в частности, можно использовать для сравнительного анализа значений, которые россияне придают социальным реалиям с аналогичными значениями в интерпретации представителей других стран и культур. Обратимся, в частности, к двум формам спонтанного коллективного поведения – действующей толпе и экспрессивной толпе.

В российском социуме в сравнении с западными странами *действующая толпа* занимает не только более значительное место, но и отличается по ряду параметров. У нас, как правило, подобные спонтанно образованные группы формируются как реакция людей на *распад привычных значений* в экономической, политической и особенно культурной сферах. Кроме того, повышенный конфликтогенный потенциал российского общества порой может привести к тому, что большие социальные и национальные группы придают какому-либо событию (появление в стране мигрантов с Востока) такое непомерно высокое и вместе с тем иррациональное значение, что поведение данной группы уподобляется действующей толпе. Как следствие – само образование действующей толпы нередко стимулирует насилие – погромы в Москве, совершенные подростками.

Можно отметить и особые характеристики *экспрессивной толпы* в российском обществе. Если традиционно экспрессивная толпа проявляется в положительно окрашенных эмоциональных танцах (карнавалы), то у нас образование подобных групп зачастую обусловлено мотивацией “бегства” от опасностей военных действий, от диктата образа жизни с непривычными, чуждыми социокультурными ценностями. Российское телевидение довольно часто показывает ритуальные танцы чеченцев, позволяющие участникам продемонстрировать значение собственного Я, исключительность *своего* национального фактора. При этом у участников экспрессивной толпы отсутствуют ясные представления, как избежать угроз, найти достойные пути выхода из многочисленных тупиковых ситуаций. То же можно сказать о ритуальных танцах, практикуемых некоторыми религиозными сектами. Их участники через переживаемый экстаз пытаются “убежать” от опасностей социальной обездоленности, коррупции, бесправия. Наряду с этим интерес представляет анализ *грандиозных шоу*, как правило, специально организуемых властными структурами. Каковы латентные функции у этих мероприятий? Одна из возможных гипотез – отвлечь массы людей от значений опасностей и рисков, направить эмоциональные порывы на самих себя и тем самым “избавиться” от негативных реалий повседневной жизни.

Можно предположить, что по мере появления устоявшихся значений и символов в нашей жизни масштабность элементарных форм коллективного поведения будет сокращаться. Их вытеснят фиксированные формы социального поведения, которые и составят основу гражданского общества в России.

Вопросы на развитие социологического воображения:

1. Опираясь на гипотезу Сапира-Уорфа, чтобы Вы могли сказать о характере вербальных значений современного русского языка? Как они влияют на ментальность россиян? Насколько значим, по Вашему мнению, вербальный фактор в нашем тоталитарном прошлом?

А что Вы думаете о символах насилия и ужасов, столь распространяющихся на наших телеэкранах? Может ли в этих условиях сформироваться толерантная ментальность, предполагающая ровные, доброжелательные отношения к представителям иной культуры?

2. За последние годы реформ в нашу страну буквально нахлынули новые культурные символы. Для многих они стали значимыми. Как этот процесс сказывается на самоидентификациях россиян? Покажите на конкретных примерах характерные новации в поведении студентов под влиянием новых символов.

3. Проанализируйте любое общественное или политическое движение России с позиций символического интеракционизма. Сделайте тоже через призму теоретико-методологического инструментария структурного функционализма и конфликтных парадигм. Каковы сильные и слабые стороны в каждом подходе?

Основные термины и выражения:

Символ, принятие роли, самость, обобщенный другой, значимый другой, «зеркальное я», социальный бихевиоризм, прагматизм, интеллектуализация действия, жест, незначимый жест, значимый жест, гипотеза Сапира–Уорфа, рефлексивность, стадия игры, соревновательная стадия, гендер, гендерная роль, первичная группа, вторичная группа, самоидентификация, симпатическое самонаблюдение, совместное действие, круговая реакция, социальное беспокойство, толчея, коллективное возбуждение, социальная социальная эпидемия, социальная эпидемия, действующая толпа, экспрессивная толпа, масса, общественность, массовая реклама, социальное движение, возрожденческое движение, националистическое движение

ЛИТЕРАТУРА

Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. – Раздел “Теории символического интеракционизма”

Барзгова Е.С. Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург-Бишкек: Издательство «Одиссей», 1997.– Глава VI

Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996. – Глава 1

Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект Пресс, 1996. – Глава 5

История социологии в Западной Европе и США // Ответственный редактор – академик РАН Г.В. Осипов. – М.: Издательская группа: НОРМА–ИНФРА · М, 1999. – Рекомендуются глава 15

Капитонов Э.А. Социология XX века. История и технология. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996. – Глава 1, раздел 2.2; глава 3, раздел 2.1

Култыгин В.П. Классическая социология. М.: «Наука», 2000. – Раздел пятый.

Мелентьева Н.В. Джордж Герберт Мид. В кн.: *Современная американская социология*. М.: МГУ, 1994

Учебный социологический словарь с английскими и испанскими эквивалентами. Издание 4-е, дополненное, переработанное. Общая редакция *С.А. Кравченко*. М.: Экзамен, 2001

Фотев Г. Герберт Блумер: символический интеракционизм. В кн.: *Современная американская социология*. М.: МГУ, 1994

Haralambos M., Holborn M. Sociology. – Collins Educational. 1995. – Chapter 14 – “Sociological Theory”

Ritzer G. Classical sociological theory. – McGraw Higher Education. 2000. – Chapter 12 – “George Herbert Mead”

Ritzer G. Modern sociological theory. – McGraw Higher Education. 2000, chapter 6 – “Symbolic Interactionism”